

Опубликовано: Исключение из правил: советские детские дома в послевоенное десятилетие// Астафьевские чтения (ноябрь, 2008). Время «Веселого солдата»: ценности послевоенного общества и их осмысление в современной России. Пермь, 2009. С. 275-286.

Ромашова М.В. Исключение из правил: советские детские дома в послевоенное десятилетие

Советская концепция воспитания «нового человека» неразрывно связана с идеей эмансипации ребенка. Предполагалось, что в ходе коммунистического строительства резко возрастет активность и избирательность ребенка, а семья не сможет обеспечить необходимых условий для развития и воспитания будущего активного участника этого строительства.

Успешным примером «освобождения» ребенка должны были стать дети-сироты, рассматривавшиеся в качестве «сырого» и подходящего материала для создания «нового» человека. Их воспитание было поручено специализированным государственным учреждениям. Прежде всего, речь идет о детских домах. Они представлялись эффективным средством борьбы с беспризорностью, возможным вариантом облегчения положения или освобождения женщины, гарантом всестороннего развития ребенка через коллективное воспитание, наконец, реальной альтернативой семье - сомнительному и ненадежному с точки зрения властей институту¹. Несмотря на довольно широкое распространение этого мнения в литературе, подобная идеализация детских учреждений нередко подвергалась критике на самом высоком уровне. Н.К. Крупская, продвигавшая проект общественного воспитания, отвергала предложения, которые открыто пропагандировали необходимость изъятия детей из семьи. В книге Л.Б. Сабсовича «Города будущего: организация социалистического быта», одной из многих на подобную тему в 1920-е гг., предлагалось с самого рождения помещать детей в

¹ Рябина Н.В. Детский дом в теоретических построениях системы воспитания «нового человека» послереволюционной России// Век нынешний, век минувший... Вып. 2. Ярославль, 2000. С. 74.

«специальные «дома ребенка», обставленные по последнему слову социалистической педагогики, в наилучшие условия для их физического воспитания и развития в них наилучших, наиболее здоровых задатков². Н.К. Крупская раскритиковала книгу, заявив, что подобные замыслы компрометируют дело общественного воспитания. Родители смогут дать ребенку то, что он никогда не получит в детских городках³. Многие проекты так и остались на бумаге, а идеи общественного воспитания, воплощавшиеся в работе домов ребенка, детских домов, корректировались политическими и социально-экономическими реалиями сталинизма.

Одним из итогов ужесточения внутривластного курса и сменой идеологических приоритетов в середине 1930-х гг. стало утверждение идей о том, что именно семья должна взять на себя основные функции по воспитанию дисциплинированных, законопослушных и лояльных режиму граждан, а детские государственные специализированные учреждения, в частности детские дома, - обеспечить социальную защиту детей, оказавшихся в трудной ситуации⁴. Эта позиция закреплена в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» от 31 мая 1935 г.⁵ Фактически государство заключало «контракт» с семьей, требуя от родителей или усыновителей, опекунов обеспечить надлежащее воспитание детей и предоставляя взамен льготы и пособия, которые, правда, были незначительны и имели скорее символический характер. Невыполнение этих обязанностей могло повлечь применение принудительных мер, предусмотренных законом (лишение родительских прав, отстранение от обязанностей опекуна, попечителя и помещение ребенка в детский дом)⁶.

² Цит. по: Крупская Н.К. Педагогические сочинения. Т. 6. Дошкольное воспитание. Вопросы семейного воспитания и быта. М., 1959. С. 157.

³ Там же. С. 157-159.

⁴ Следует отметить, что восстановление ценностей семейного воспитания началось раньше, еще во второй половине 1920-х гг., когда вновь стали пропагандироваться различные формы семейного воспитания// Смирнова Т.М. Опыт патронатного воспитания детей в Советской России и современность// Какорея: Из истории детства в России и других странах: Сб. статей и материалов. М.-Тверь: Научная книга, 2008. С. 182.

⁵ Дети ГУЛАГа: 1918-1956 гг. М., 2002. С. 183-187.

⁶ Справочник по вопросам охраны детства. М., 1956.

Принципы работы детских домов, формы организации воспитания, досуга детей начали разрабатываться на рубеже 1910-20-х годов⁷. Стандарты управления детскими домами и правила их внутреннего регулирования оформились в 1930-40-е годы⁸. Структура детских домов в послевоенное десятилетие выглядела следующим образом. В домах ребенка дети находились до трех лет, затем, если его не забирали, он помещался в детский дом. Существовало несколько типов детских домов: дошкольные, школьные, смешанные, специальные, санаторные⁹.

Свои корректировки в структуру, принципы работы детских домов внесла война. Рост числа сирот во время войны привел к значительному увеличению количества специальных учреждений для них. Такие детские дома создавались в спешке, им не хватало помещений, необходимого инвентаря, педагогов-профессионалов, а главное, в отличие от детских домов, возникших в довоенные годы, складывавшихся годами традиций «общего жития» взрослых и детей, устоявшегося быта. За годы войны обострились многие проблемы, существовавшие прежде¹⁰. С ее окончанием ситуация в детских домах кардинальным образом не изменилась, понадобилось еще несколько лет, чтобы решить вопросы, связанные с острой нехваткой предметов первой необходимости, перебоями с продовольствием, теснотой, отсутствием топлива в зимнее время, нехваткой персонала, хищениями продовольствия, насилием над детьми в детских домах¹¹.

⁷ Рябина Н.В. Указ. соч. С. 76.

⁸ Kelly C. Children's world: growing up in Russia, 1890-1991. Yale University Press, New Haven and London, 2007. P. 221-223.

⁹ В дошкольных детских домах воспитывались дети в возрасте от 3 до 7 лет. Дети, достигшие к началу учебного года семилетнего возраста, переводились в школьные детские дома. В школьных детских домах воспитывались дети от 7 до 14 лет. В 14 лет подростки выпускались из детских домов в ремесленные училища и другие учебные заведения или устраивались на работу. В детских домах смешанного типа воспитывались разновозрастные дети, члены одной семьи (братья и сестры). В специальные детские дома принимались дети воинов Красной Армии, партизан Великой Отечественной войны, а также дети погибших на фронте советских и партийных работников, рабочих и колхозников. Детские дома санаторного типа организовывались как интернаты для больных детей. С 1945 года отдельно образовывались детские дома при промышленных предприятиях. Они создавались для детей-сирот, родители которых работали на предприятии и погибли в годы войны, а также для многодетных семей, нуждающихся в материальной помощи// В помощь директору детского дома: Сборник документов и инструктивно-методических материалов. М., 1948.

¹⁰ Рябина Н.В. Указ. соч. С. 78.

¹¹ ГОПАПО. Ф. 105, оп. 11, д. 495, л. 7; оп. 13, д. 140, л. 75; ГАПО. Ф. р-1366, оп. 1, д. 634, л. 9-12; д. 636, л. 7 и др.

Но даже в таких обстоятельствах детский дом был не самым худшим вариантом для ребенка, оказавшегося на улице. После регулярных рейдов сотрудников милиции по чердакам и подвалам, вокзалам и рынкам у детей и подростков были не меньшие шансы попасть в детскую воспитательную колонию или быть привлеченными к уголовной ответственности. Еще один возможный сценарий завершения детских скитаний - возвращение к родителям. Детей, ожидавших вызовов от родителей или родственников со всей страны, сотрудники милиции старались держать в детприемниках, как можно дольше¹².

Для властей, вероятно, одним из наиболее выгодных способов решения проблем с устройством ребенка был патронат, опека и усыновление - не столь популярные ранее, но пропагандируемые в годы войны формы семейного воспитания сирот. Устройство ребенка в приемную семью значительно сокращало или полностью освобождало государство от расходов на него, потому что государственные пособия на ребенка были незначительны, а опекуны вообще не получали никакого пособия¹³. В г. Молотове в сентябре 1949 г. на учете состояло 1617 детей, оставшихся без родителей. Из них 951 ребенок был взят под опеку, 199 – на патронат, усыновлено 457 детей¹⁴. Многие семьи брали на воспитание детей добровольно, во многом не надеясь на поддержку государства или отказываясь от нее по собственной инициативе¹⁵. Взрослые руководствовались желанием помочь детям, оставшимся без попечения родителей. Архивные материалы содержат упоминания о плохих жилищных, бытовых условиях в новых домах, однако многие благополучные семьи, как раз, не попадали в материалы проверок комиссий. Так или иначе, но дети всегда могли найти собственные способы уклонения от трудностей в новых семьях: бросить учебу, сбежать из дома.

¹² Летом 1945 г. Кунгурский детприемник оказался переполненным детьми, ожидавшими вызова от родителей или родственников из Ленинграда, Киева, Кирова, Белоруссии, Орловской области, Свердловска// ГАПО. Ф. р-1366, оп. 1, д. 633, л. 74-76.

¹³ Зезина М.Р. Без семьи: сироты послевоенной поры// Родина. 2001. № 9. С. 84.

¹⁴ ГОПАПО. Ф. 105, оп. 15, д. 489, л.1, 12-13.

¹⁵ Смирнова Т.М. Опыт патронатного воспитания детей в Советской России и современность// Какорея: Из истории детства в России и других странах: Сб. статей и материалов. М.-Тверь: Научная книга, 2008. С. 189.

Матерям-одиночкам и семьям с крайне низким достатком специальные детские учреждения давали шанс пережить послевоенную нищету, материальные трудности. По указу 1944 г. дома ребенка обязаны были принимать на полное государственное обеспечение детей матерей-одиночек, в силу различных обстоятельств не имевших возможность вырастить их самостоятельно. Об этих возможностях говорилось в социальной рекламе на страницах специализированной женской печати. За 1949 г. 10 домов ребенка Молотовской области (5 городских и 5 сельских) приняли 319 детей, из них более половины – дети матерей-одиночек¹⁶. Количество желающих возрастало, но дома ребенка не могли принять всех. В г. Молотове горздравотдел отказывал матерям в приеме детей, несмотря на все их доводы (отсутствие работы, жилья), и вынуждал некоторых из них идти на крайние меры¹⁷. Если ситуация в семье менялась, родители в любое время могли забрать ребенка, если – нет, то ребенок оставался на государственном попечении¹⁸.

Условия жизни в детском доме зависели от того, под чьим управлением он находился, в какой местности располагался, кто шефствовал над детским домом, наконец, от решающего фактора, определявшего жизнь детей в нем, - «человеческого».

Управление домами ребенка и детскими домами принадлежало разным министерствам, что создавало межведомственные барьеры в перемещении детей. Принцип совместной ответственности за детские дома сразу 4-х наркоматов был установлен решением Совета народных комиссаров от 14 июня 1935 года. За отдельные категории детей (дети-инвалиды, малолетние преступники, дети до трех лет и больные дети, «нормальные» и трудные дети) отвечали разные наркоматы, а затем министерства: Министерство просвещения (позже - образования), Министерство внутренних дел, Министерство здравоохранения и Министерство социального обеспечения. Ребенок перемещался из домов ребенка в дошкольные дома, затем попадал в школьные. Нередко мест в детских домах

¹⁶ ГАПО. Ф. р-981, оп. 1, д. 1007, л. 147.

¹⁷ Там же. Ф. р-1365, оп. 2, д. 279, л. 13.

¹⁸ В 1952 г. в Молотовской области в семьи вернулось 192 из 440 выбывших детей из домов ребенка.

не хватало и дети старше трех лет оставались в домах ребенка¹⁹. Такая схема перемещения не обеспечивала непрерывного воспитания, разлучала младших братьев и сестер со старшими. Порой, только став взрослыми, они находили друг друга²⁰. Для многих ребят расставания проходили болезненно. В целях предотвращения этого действовали смешанные детские дома, где воспитывались разновозрастные дети от 3 до 14 лет, члены одной семьи. Но таких детских домов было гораздо меньше, чем остальных типов детских домов²¹. Поэтому чаще приходилось разделять детей и отправлять в разные детские учреждения.

Судя по архивным материалам детские дома²², расположенные в городах Молотовской области, находились в лучшем положении, чем сельские²³. Властям было выгодно удалить «опасных» детей подальше от крупных городов. Фактически такие дома оставались на самообеспечении, поскольку выделяемых бюджетом средств было недостаточно. Дома находились в катастрофическом положении. Но в сельской местности оказывалось больше возможностей вести подсобное хозяйство, и дирекция детских домов делало на это ставку.

Детские дома подразделялись на бюджетные, ведомственные, межколхозные. Большинство детских домов было бюджетными, однако наиболее выгодным вариантом, по мнению некоторых работников детских домов, был ведомственный детский дом, когда Министерство помогало детскому дому, а дети, вырастая, шли работать на принадлежавшие ему предприятия²⁴. Более распространенной формой связи предприятия и детского дома оказывалось не всегда эффективное шефство, попечительские советы -

¹⁹ Kelly C. Children's world: growing up in Russia, 1890-1991. Yale University Press, New Haven and London, 2007. P. 221-223.

²⁰ Один из таких примеров – судьба респондента 1938 г.р., эвакуированного из г. Дзержинска Донецкой области вместе со старшим братом в Коми-пермский автономный округ, затем в Краснослудский детский дом в Молотовской области. Респондент потерял своего старшего брата, когда его отправили в другой школьный детдом. После окончания вуза они нашли друг друга, но затем потеряли связь вновь.

²¹ Например, в 1947 г. в Молотовской области действовало 104 детских дома, из них школьных – 69, дошкольных – 17; смешанных - только 8; детдомов специального назначения (в том числе для детей защитников Ленинграда) – 6// ГОПАПО Ф. 1458, оп. 1, д. 759, л. 24.

²² Количество детских домов и детей в них в Молотовской области в 1945 году насчитывалось 117 детских домов (около 12,5 тыс. детей), а в 1955 году уже сократилось до 65 (около 4,5 тыс. детей)// ГОПАПО. Ф. 105, оп. 11, д. 495, л. 5; ГАПО. Ф. р-981, оп. 1, д. 1017, л. 4-6. В г. Молотове количество детских домов с 1947 по 1949 год увеличилось с 10 до 12 с численностью в 1628 воспитанников// ГАПО. Ф. р-480, оп. 3, д. 510, л. 133.

²³ См., напр.: ГОПАПО Ф. 105, оп. 11, д. 495, л. 5-14; ГОПАПО Ф. 105, оп. 15, д. 489, л. 88.

²⁴ Воскобойникова С.А. Нет чужих детей: Раздумья о проблемах современного сиротства. М., 1989. С. 15.

формы общественного участия в жизни сирот, активно пропагандировавшиеся в 1940-е годы²⁵. Здесь многое зависело от того, как сложатся отношения между шефом и подшефными, от характеров двух директоров, умения находить общий язык²⁶.

Взаимоотношения в детском доме не копировали семейные отношения. Ни директор, ни воспитатели не обязаны были выполнять роли «матери» и «отца». Ставка делалась на детский коллектив (в среднем – более 100 человек²⁷), который под чутким и внимательным руководством взрослых сможет организовать и обеспечить необходимые условия для воспитания ребенка. В результате возникали специфические формы взаимодействия/общения детей со взрослыми и друг с другом.

В послевоенные годы персонал детских домов в основном состоял из малообразованных, не имевших никакого отношения к педагогике людей. Это было связано и с уходом прежних педагогов на фронт, реэвакуацией, и с открытием новых детских домов, куда в кратчайшие сроки требовались воспитатели, и с трудностями самой работы с детьми, оставшимися без родителей. По этим и другим причинам подбор персонала в детских домах носил случайный характер. Воспитатели часто менялись²⁸. Многие из работников не имели законченного среднего образования: в 1949 г. из 766 воспитателей детских домов Молотовской области таких педагогов насчитывалось 161²⁹. Среди директоров этот процент был немного выше. В такой ситуации огромное значение имели личные качества директора, воспитателей и других работников детского дома, умение общаться с детьми, повидавшими «непарадные» стороны жизни.

²⁵ Гарлова Т. Благородный почин // Работница. 1945. № 9; Вишнякова Е. С материнской любовью // Работница. 1945. № 10; Шиф С., Яковлев В. Материнское сердце // Работница. 1948. № 2; Киселев Я., Ильин М. Благородные сердца // Работница. 1948. № 6; Фадеева И. Забота о семьях защитников Родины // Работница. 1948. № 7; Александрова И. Глаз матери // Работница. 1951. № 6.

²⁶ Воскобойникова С.А. Указ. соч.

²⁷ Данные о сети и контингенте детских домов Министерства Просвещения в Молотовской области за 1949 г.// ГОПАПО. Ф. 1458, оп.1, д. 973, л. 55.

²⁸ Только в одном В. Каменском детском доме за три года сменилось 52 воспитателя. Данные 1949 г.// ГОПАПО Ф. 1458, оп.1, д. 973, л. 119.

²⁹ ГОПАПО. Ф. 105, оп. 12, д. 372, л. 95.

Взаимоотношения взрослых с детьми в детских домах, основанные на коллективном подчинении и послушании, часто становились проверкой для взрослых, получавших безграничную власть в детском доме. Некоторые эту проверку не проходили. В 1952 г. из 65 директоров детских домов в Молотовской области было снято с работы и уволено из-за «злоупотреблений по службе, преступных проявлений и морального разложения» 17 человек³⁰. Под «злоупотреблениями» чаще всего понимались хищения, побои, издевательства, изнасилования. Даже в благополучном в этом отношении г. Молотове в 1949 г. были обнаружены факты издевательств над воспитанниками директрисы детского дома. В течение 4-х лет она сажала в карцер, применяла физические наказания за любую провинность и т.д. По результатам расследования она была исключена из партии, привлечена к уголовной ответственности и осуждена на 10 лет исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ)³¹. Судя по документам центральных архивов подобная ситуация была характерна для всей страны. В докладной записке на имя Г.М. Маленкова сообщалось: «В 1948 г. органами прокуратуры в РСФСР привлечен к уголовной ответственности ряд руководителей и воспитателей детских домов... К детям применялись физические меры воздействия, их подвергали избиению, лишали пищи, закрывали в холодные помещения, обливали холодной водой...»³². Что было причиной подобного отношения к детям, назвать сложно: возможно, ожесточенность военных лет, беззащитность детей, чья жизнь находилась в руках администрации детского дома, специфика отношений в детском доме и т.д.

Но представлять детей и подростков, как слабых, беззащитных созданий, не стоит, даже, несмотря на то, что все эти образы характерны для современного восприятия детства - прекрасной и беззаботной поры. Исследовательница истории детства XX в. К. Келли полагает, что детей не следует относить к «подчиненным классам». Дети иногда вынуждены действовать защитным образом или, наоборот, с показным раболепием, но это не может

³⁰ ГАПО. Ф. р-1366, оп. 1, д. 642, л. 27.

³¹ Там же. Ф. р-1365, оп. 2, д. 274, л. 27.

³² РГАСПИ. Ф. 17, оп. 132, д. 56, л. 77.

рассматриваться в качестве устойчивой характеристики данной социальной группы. В культуре, сконцентрированной на детях, ребенок может требовать то, чего он хочет, и с большим успехом оспаривать намерения взрослых³³. Насколько эти выводы соответствуют специфической обстановке послевоенных детских домов, ответить сложно. Для этого требуется детальное изучение большого количества мемуарных свидетельств о детских домах. Тем не менее, можно утверждать, что главной силой воспитанников детских домов во взаимодействии с персоналом детдома была их коллективность. Группировки, возникавшие в детдомовской среде, иногда определяли конфигурацию сил внутри детского дома. Формирование детдомовского коллектива было не только успешным результатом воплощения макаренковских принципов воспитания трудных подростков, но и в некоторых случаях жизненной необходимостью в общении с руководителями детского дома, с другими воспитанниками, с местным населением.

В 1951 г. в городе Кунгуре воспитанники детского дома № 2 написали жалобу на имя В.М. Молотова о том, что к ним «применяются антипедагогические методы воспитания» со стороны руководителей детдома (описывались ужасные бытовые условия, случаи воровства у воспитанников и т.д.). Правда, директор детского дома, узнав об этом и побоявшись ответственности, заставил воспитанников написать ещё одно письмо, в котором дети уже описывали свою благополучную жизнь и просили прощения за неправду³⁴.

Еще одной формой противодействия персоналу детдома был «бунт», как назвала действия воспитанников детдома 1940-х гг. в Кировской области инспектор роно по детдомам: «Вот как-то приехала в Константиновский детский дом и страшную картину увидела: все стекла побиты, подушки порезаны, на кровати голые матрацы, пионервожатая привязана к ножкам стола, а воспитанники сидят на крыше и поют: «Союз нерушимый, директор плешивый, завуч замухрышка, воспитатель кочерыжка...». Отпустила я тогда весь

³³ Келли К. Об изучении истории детства в России XIX –XX веков// Какорея: Из истории детства в России и других странах: Сб. статей и материалов. М.-Тверь: Научная книга, 2008. С. 45-46.

³⁴ ГАПО. Ф. р-1366, оп. 1, д. 640, л. 34.

перепуганный педагогический коллектив, собрала для разговора ребят – надо же выяснить причины бунта. Хорошо, откровенно поговорили»³⁵. Из текста непонятно, на что была подобная реакция воспитанников, каковы результаты «бунта», удалось ли им добиться желаемого. Так или иначе, в экстремальных случаях подростки использовали «оружие слабых»³⁶ - стратегии защиты, уклонения, манипулирования. Здесь срабатывал принцип: лучшее средство защиты – это нападение. Подростки всегда могли поквитаться с особо нелюбимым воспитателем, своровав с его огорода картошку, подстроив ему какую-нибудь ловушку или сделать «темную» воспитаннику-доносчику³⁷. Или, наоборот, ответить добром воспитателям, которые с вниманием и заботой относились к подросткам. Безусловно, многое в детдомовском коллективе зависело от личности самого ребенка и воспитателя, способности адаптации к «разношерстному» коллективу, умения быстро находить общий язык со всеми обитателями этого учреждения.

Благополучие детского дома напрямую зависело от директора, его способности «выпросить, выклянчить, вытребовать...» все, что могло пригодиться детдому³⁸. Дальнейшая судьба подростков также напрямую зависела от него. Детские дома обязаны были выпустить подростка с наступлением 14 лет, независимо от того, сколько классов он окончил³⁹, и определить выпускника в школу ФЗО, ремесленное училище, где обучали рабочим специальностям, или устроить на работу. Только в крайних случаях директора могли держать выпускников дольше положенного срока. Благожелательное отношение директора детского дома позволяло подростку, имевшему отличные успехи в учебе, продолжить обучение в старших классах,

³⁵ Бакин В.С. Детдомовские сороковые. Документальная повесть. М., 1991. С. 198-199.

³⁶ Келли К. Об изучении истории детства в России XIX –XX веков.... С. 45-46.

³⁷ Из интервью с Л.Б. Б-ым. Записано 23.08.2006, Пермь (1938 г.р.)// личный архив автора.

³⁸ Воскобойникова С.А. Указ. соч. С. 9.

³⁹ В 1949 г. в Молотовской области необходимо было устроить 1527 выпускников детских домов, в том числе окончивших 4 класса в 14 лет. Девочек – 700 чел., мальчиков – 477 чел. Переростков, не окончивших 4 класса – 14-15 лет – 350 чел. Результаты трудоустройства по состоянию на 1 августа были не более 50 человек, из числа мальчиков – 15-16 лет, окончивших 5,6,7 классов// ГОПАПО. Ф. 1458, оп.1, д. 973, л. 32.

после которого появлялась возможность поступить в специализированное учебное заведение, в вуз⁴⁰.

С одной стороны, выпускники детских домов, устраиваясь в школы ФЗО и ремесленные училища, получали шанс интегрироваться в советское общество. Фактически это были единственные учебные заведения, принимавшие выпускников детских домов. За счет них Министерство трудовых резервов решало проблему необходимости ежегодного выполнения плана по набору в эти учебные заведения⁴¹. Использовались самые разные способы привлечь молодежь: от встреч, радиоочерков, статей, рекламы в местных газетах⁴² до запугивания, арестов⁴³. Для того чтобы выполнить план, местные власти шли на незаконную мобилизацию (повторные призывы рабочих заводов, уже окончивших школы ФЗО)⁴⁴, приписывали возраст, образование, состояние здоровья⁴⁵.

С другой стороны, даже в таких обстоятельствах, когда директора училищ закрывали план по набору всеми мыслимыми и немыслимыми способами, некоторых выпускников детских домов не брали туда из-за недостаточного образования, плохого состояния здоровья (грыж, мочеудержания, туберкулезной интоксикации). Ещё неохотнее принимали девочек, полагая, что многие специальности для них слишком трудоемки⁴⁶. В результате такие подростки устраивались на более тяжелые работы.

Однако воспитанники послевоенных детских домов знали не понаслышке, что такое тяжелый труд. Детдомовцы были привлекательным трудовым ресурсом для сельского хозяйства⁴⁷. В условиях послевоенной нищеты и точечной помощи шефов воспитанники детских домов трудились не только в

⁴⁰ Из интервью с Л.Б. Б-ым. Записано 23.08.2006, Пермь (1938 г.р.)// личный архив автора; Арошенко М.М. Наш взрослый детский дом. Повесть – исповедь. Днепропетровск, 1990. С. 43.

⁴¹ ГАПО. Ф. р-1366, оп. 1, д. 634, л. 18; ГОПАПО. Ф. 105, оп. 15, д. 188, л. 6-7.

⁴² ГОПАПО. Ф. 105, оп. 15, д. 188, л. 5.

⁴³ ГАПО. Ф. р-1366, оп. 1, д. 637, л. 58.

⁴⁴ Там же. Ф. р-1365, оп. 2, д. 274, л. 11.

⁴⁵ Там же. Д. 272, л. 42; Там же. Ф. р-1366, оп. 1, д. 634, л. 18.

⁴⁶ ГОПАПО. Ф. 105, оп. 15, д. 489, л. 96; Там же. Ф. 1458, оп. 1, д. 973, л. 13-15.

⁴⁷ ГАПО. Ф. р-986, оп. 1, д. 1191, л.54; там же. Д. 1232, л. 25; д. 1201, л. 46; д. 1214, л. 65; д. 1228, л. 48; Ф. р-1366, оп. 1, д. 633, л. 74 -76.

терапевтических и воспитательных целях⁴⁸: «Чем больше разрасталось хозяйство, тем больше убеждались, что только труд давал возможность жить жизнью, полноценной во всех проявлениях.... – говорил директор одного из детских домов. - И правильно ли уводить детей от реальных противоречий жизни, отодвигать трудные заботы?... Прибыль от рентабельного детдомовского хозяйства помогала жить»⁴⁹. Доходы от хозяйства позволяли приобретать необходимые предметы, бюджетных средств на которые не выделялось. Некоторым детским домам это давало возможность помогать бывшим воспитанникам, уезжавшим на учебу⁵⁰.

Подобная «эксплуатация» противоречила законодательной базе охраны детства в Советском Союзе, которая, по крайней мере, формально, оставалась одной из самых прогрессивных в мире. И среди педагогов не было единого мнения по этому поводу. К примеру, в одном из детских домов воспитанники построили своими силами лагерь и клуб. Работники детского дома, поделившиеся этим опытом на одном из совещаний, получили в свой адрес немало критических замечаний по поводу непедagogичности и недозволенности проведения таких сложных трудовых заданий с воспитанниками: «Одни приходили в ужас при одном упоминании о том, что мы разрешаем 15-17-летним воспитанникам самим строить леса и тем более работать на них; другие утверждали, что подросткам вредно рыть траншеи, носить песок на носилках»⁵¹. Однако руководство детдома отмечало улучшение дисциплины у тех воспитанников, которые были самыми неуправляемыми. Для самих подростков выпас лошадей или заготовка дров могли стать опасным, но настоящим приключением, где можно было проявить лихачество, ловкость, смелость. Вынужденный труд, с одной стороны, дисциплинировал неуправляемых подростков, с другой – слишком быстро интегрировал недавних детей во

⁴⁸ Эти идеи были заимствованы у известного американского философа и педагога Д. Дьюи// Салова Ю.Г. «Новый человек»: взгляд на проблему в 1920-е годы: Учебное пособие. Ярославль, 1998. С. 6; Яковлева, В.В. Реформирование отечественного образования в контексте филиации идей в первой трети XX века: дис. ...канд. ист. наук. Пермь, 2004;

⁴⁹ Воскобойникова С.А. Указ. соч. С. 29-30.

⁵⁰ Из опыта работы детских домов. Сборник статей. М., 1956. С. 64-67; Кулик А.С. Городок на Каме. Эпизоды из жизни детского дома. Город Оханск. М., 1950.

⁵¹ Вопросы воспитания в детском доме. М., 1956. С. 128.

взрослый мир. Все это могло вызвать со стороны подростков ожесточение и озлобление к нему.

Детские дома в послевоенные годы должны были «возвращать» многих детей в нормальную жизнь. Для одних детей такое возвращение оказывалось слишком болезненным, у других (как детей, так и взрослых) - появлялась возможность выжить в тяжелейших послевоенных условиях. Большинство детских домов в Молотовской области в первые пять послевоенных лет решали проблему выживания. Все это провоцировало распространение аномального поведения среди детей: побег из детских учреждений, рост проступков и преступлений среди подростков. Среди детских домов были образцовые учреждения, где комфортно себя чувствовали и воспитатели, и воспитанники⁵². Судя по воспоминаниям и многочисленной литературе в Молотовской области к числу таких относились детские дома в г. Оханске. Они имели богатую довоенную историю, устоявшийся быт и традиции⁵³.

Анализ положения детских домов не может дать полной информации о повседневной жизни детского дома. В этой статье намечены лишь некоторые направления исследования детдомовской повседневности, последующее изучение которых невозможно без привлечения мемуарных свидетельств, устных историй, как воспитанников, работников детских домов (начиная от поваров и заканчивая директором), так и инспекторов, ревизоров, проводивших проверки детских домов, местных жителей и др.

⁵² Из интервью с Н.И. К-ым. Записано 09.04.2007, Пермь// личный архив автора.

⁵³ Кулик А.С. Городок на Каме: эпизоды из жизни детского дома. Город Оханск. М., 1950; Пономарев В.П. Оханскому детскому дому – 75. Пермь, 1984 и др.